

**Анатолий
КАЛЬВАРСКИЙ:**

Любовь к джазу появилась внезапно и осталась на всю жизнь

**СВОЙ ЮБИЛЕЙ
КОМПОЗИТОР
ОТМЕТИТ ДВУМЯ
МАСШТАБНЫМИ
КОНЦЕРТАМИ**

Композитор Анатолий Кальварский — одна из живых легенд музыкального Петербурга. Свой 80-й день рождения в июне этого года Анатолий Владимирович встретил с юношеской энергией, а сейчас готовит два масштабных концерта — в Большом зале Филармонии (8 октября) и в Академической капелле (21 октября). Ежедневные репетиции не мешали ему встретиться с корреспондентом «ВП».

Фото Интерпресс

— Анатолий Владимирович, расскажите, когда и как вы заболели джазом?

— Как сейчас помню, хоть это и случилось в ранней юности. Я был одним из первых молодых людей, которые посмотрели фильм «Серенада солнечной долины». Музыка поначалу не произвела никакого впечатления, единственное, что запомнилось, — мастерская езда на лыжах плюс профессиональная операторская работа. И лишь когда появился хороший ламповый приемник, я стал слушать джаз. Все началось с композиции «In the mood» в исполнении оркестра Гленна Миллера. Я ко всем приставал с расспросами об этой мелодии, и нашелся один музыкант, который мне поведал о происхождении композиции. Информацию о джазе получить было сложно, в те времена джазменов всячески травили. Мы с друзьями старались обмениваться мельчайшими находками и, по крупицам собирая информацию, изобретали порох, уже изобретенный до нас. Никогда не забуду историю о том, как я выдумал польского композитора Станислава Каневского, которого не существовало в природе, а был замечательный американский композитор Стен Кентон, внесший в джаз долю симфонизма. Я в то время уже был руководителем Государственного эстрадного оркестра Азербайджана, и мы должны были исполнить одно из произведений Кентона. К американцу музыкальные чиновники отнеслись резко отрицательно, и тогда я сказал, что ошибся с именем, мол, зрение плохое. Это же польский композитор Станислав Каневский! Позднее нашли последователи вымышленного гения, которые даже пересказывали его биографию. В общем, любовь к джазу появилась внезапно и осталась на всю жизнь.

— Помните ли вы ваши первые уроки фортепиано в блокадном Ленинграде?

— Безусловно. Мне эти уроки давала замечательный педагог Евгения Юльевна Гейман. Она тогда работала в музыкальном училище при Консерватории. Эта женщина взяла на себя тяжелую задачу. Ведь я, будучи самоучкой, весьма своеобразно

начинал играть: я накладывал средний палец на указательный и тыркал по клавишам. Видимо, сказывались блокадные времена. Целый год понадобился, чтобы разнять эти пальцы. Уроки с Евгенией Гейман отпечатались в моем сознании на всю жизнь. Вообще педагогов вспоминаю с огромным удовольствием. Несмотря на то что мне не дали получить высшее музыкальное образование, благодаря навыкам, которые я усвоил от своих учителей, сам сейчас преподаю в вузе.

— Что для вас важнее: работа в кино, в театре, песни?

— Для меня самое важное в любом жанре — написать хорошо. Естественно, большую роль играет вдохновение. Был такой случай, когда мне надо было в срочном порядке сочинить композицию для мюзикла. И так нахлынуло, что за одну ночь написал целую пьесу, которую исполнял московский оркестр Александра Михайлова. Песни писать хорошо, когда есть конкретный исполнитель. Меня связывает тесная дружба с Сергеем Рогожиным, чему я бесконечно рад. С этим человеком легко и приятно работать, мы словно нашли друг друга. В нашем совместном архиве уже более 20 песен.

Что касается кино, у меня несговорчивый характер, и мне бывало нелегко договориться с режиссерами. Вот работа с Михаилом Швейцером была прекрасной. Понижающим режиссером был Илья Авербах. А с цирковой музыкой мне повезло. Я сразу попал к Игорю Кио. Первым спектаклем с моей музыкой был «Раз, два, три...», и он имел большой успех. Мне стали делать много заказов. Это было в 80-е годы, когда в цирках исполнялась в основном джазовая музыка и оркестры больше напоминали стандартные биг-бенды. О ра-

— По вашему мнению, советская киномузыка вторична по отношению к голливудской и европейской или это вполне оригинальное явление?

— Важно понимать саму суть киномузыки. Отдельно от своего эпизода в фильме она не звучит, кем бы ни была написана. У нее своя, неповторимая специфика. Киномузыка оживает тогда, когда накладывается на определенную картинку. Разумеется, есть шедевры как в советской киномузыке, так и в зарубежной. Есть у меня фавориты и среди наших соотечественников, и среди зарубежных композиторов. Не считаю правильным их сравнивать, это совсем разная музыка.

— А что думаете о современной российской эстраде?

— Честно говоря, я о ней стараюсь вообще не думать. Настало очень смутное время, время дурновкусия, неблагодарности к человеческой культуре, неуважения людей к себе и, что самое страшное, друг к другу. Сейчас музыку сложно назвать музыкой. Это скорее «музон», что-то примитивное, находящееся на низких ступенях развития. Я сам не иду в ногу с обществом, временем. Я выбрал свой путь, пусть он тернист, но он индивидуален. Я благодарен жизни за то, что она мне подарила огромное количество замечательных людей, единомышленников, соратников. Также очень греет мысль о том, что жена и сын разделяют мои вкусы в музыке. Это для меня самое главное. Мне доводилось не так давно гастролировать в таких развитых странах, как Швеция, Финляндия, где люди уважают свою родину и всячески забо-

— Настало очень смутное время, время дурновкусия, неблагодарности к человеческой культуре, неуважения людей к себе и, что самое страшное, друг к другу. Сейчас музыку сложно назвать музыкой. Это скорее «музон», что-то примитивное, находящееся на низких ступенях развития.

боте в цирке у меня остались самые трогательные воспоминания. Со многими цирковыми артистами я дружил и до сих пор питаю к ним глубочайшее уважение. Настоящие трудяги, постоянно на колесах. Когда я работал с ними, у меня был такой же бешеный ритм жизни. Но если цирковому артисту не нравилась музыка, с ним было не поспорить. «Не то, — говорит, — и все». Но таких было совсем немного. Лет 18 я занимался цирком, это было безумно интересно, но очень изнурительно.

Помню, придумывал мотив для Анатолия Марчевского. Мы с ним разобрали больше 150 вариантов. Мы уже видеть друг друга не хотели и не могли... Но стали с ним друзьями на всю оставшуюся жизнь.

— Вы сотрудничали с Андреем Мироновым, Михаилом Боярским, Людмилой Гурченко и другими звездами первой величины. С кем было интереснее всего?

— С ними абсолютно со всеми было интересно. Этим ребятам не солжешь. Когда им играешь свои песни, все их отношение к твоему творчеству выражается на лице. Артисты как дети! Очень искренние и решительные люди. Каждый из моих знакомых поющих артистов, для которых я писал музыку, добавлял свою изюминку.

тятся о ней. Вот за то, что у нас все не так, душа у меня действительно болит. А о современной музыке я не думаю. У меня музыка своя.

— Расскажите, пожалуйста, о программе вашего юбилейного концерта в Большом зале Филармонии 8 октября...

— Будет много премьерной музыки, пьеса «Далекая звезда» (новое сочинение), «Чардаш», Тимур Некрасов сыграет несколько моих джазовых стандартов, также будет Давид Голощекин, не обойдется без Максима Некрасова, играющего на губной гармошке, будет трубач Иван Васильев. Вместе с симфоническим оркестром Академической капеллы Санкт-Петербурга под управлением Александра Чернушенко будет выступать группа музыкантов из Джазовой филармонии и джазовая певица Юлия Михайловская. Концерт будет вести Владимир Фейертаг. Для меня большая честь и большая радость, что все эти замечательные музыканты будут принимать участие в моем авторском вечере. А 21 октября по инициативе руководства Капеллы состоится еще один мой авторский концерт, уже в самой Капелле, но совершенно с другой программой.

Беседовал Вячеслав КОЧНОВ